

Яну

ПРОЛОГ 1

Сентябрь 1982 г. Шатила, Ливан

Нищета никогда не мешает бурлению жизни. Еще вчера повсюду бегали палестинские ребяташки. Иногда мальчишки усаживались на мусорной куче напротив кувейтского посольства и, потрясая воображаемыми «калашами» и М-16, представляли себя героями.

Сегодня на улицах опасно.

Клод Дехане стремительно вбегает в подъезд семиэтажного дома. Он задыхается, в сумке у него бултыхаются фотоаппараты «лейка» и «кэнон».

Школы Сабры и Шатилы пусты, небо над Западным Бейрутом заполнено низколетящими истребителями-бомбардировщиками. В охваченном восстанием городе слышны крики, рушатся дома.

Оказавшись в безопасности, в захламленной квартире, Клод ласково ерошит густые волосы Наджат. Маленькая палестинка, стоящая рядом со старшими братьями, не улыбается. Ее мать, Малака Аббас, растирает изуродованные артритом ноги старика-отца, устроившегося на сиденье, выломанном из автомобиля. Сплошь и рядом палестинские жертвы остаются безымянными. Но на этот раз у людей есть лица.

Труженица-мать немного говорит по-французски — язык преподают в школах БАПОР¹.

¹ БАПОР — Ближневосточное агентство ООН для помощи палестинским беженцам и организации работ.

— Они ищут фedaинов. Войска Катайба и израильяне перегородили дороги танками. Они придут сюда. Тебе надо спрятаться. Быстрее!

Она встает и указывает на встроенный шкаф: если открыть дверцу, за ней обнаруживается дыра в стене, достаточно большая, чтобы в ней, скорчившись, поместились два человека.

— Забирай туда с собой все вещи, — добавляет она, обернувшись. — И сиди там. Наджат принесет тебе воду и рис.

Клод поглаживает короткую черную бородку. Кудрявые волосы, серые мягкие башмаки, светло-голубая льняная рубаша делают его очень похожим на местного жителя.

— Нет-нет. Вам самим надо спрятаться. Хотя бы детям.

— Мы-то ничего не боимся. У нас нет оружия. Им нужны фedaины. Все фedaины. Ты журналист, к тому же европеец. Если тебя найдут — будут пытать, а потом прикончат.

От грохота выстрелов у Клода сводит живот. Французские десантники, американские морпехи и итальянские пехотинцы ушли из страны неделю назад. Все ограничения, все правила отступили перед наводящими ужас израильскими стопятидесятипятимиллиметровыми пушками.

Дверца шкафа захлопывается. Свернувшись клубком под одеялом в дыре, замаскированной пластиковой скатертью, Клод в свои тридцать два года чувствует, что умирает от страха, как ребенок. В конце концов, измученный, он забывается сном.

Ощущение, как будто в голове взрывается лампа. Клод внезапно просыпается от криков и металлического грохота. Кругом темнота.

Они там, в доме.

Топот сапог по полу, дверца шкафа распахивается. Клод, затаившись под скатертью, перестает дышать, все его тело словно окоченело. Если его найдут, ему не жить.

До него доносится запах спиртного, он слышит злобное пыхтение. Через крохотную дырочку он видит кедр, выгатуированный на чьем-то плече. Это фалангисты — боевики ливанцев-христиан. Лишенные совести дикие звери. Их главаря только что убили.

Дверца шкафа снова закрывается, но не до конца.

Журналист видит все.

Он видит, как человек превращается в животное, теряет остатки разума. И это — после стольких веков эволюции...

Клод забивается поглубже в свою нору, по его измученному лицу текут слезы, он неслышно кричит, царапает землю, пока не обдирает ногти до крови. Он знает. Знает, что происходит там, за дверью, Наджат взывает к нему.

Там гуляют, смеются, болтают, поют по-арабски с ливанским акцентом, арак так и льется в пересохшие глотки. Почему не вмешиваются израильские солдаты? Из госпиталя в Акко они не могут не видеть, что здесь творится! Они не могут не слышать! Клод не знает, сколько времени длилась кровавая истерия. Он видел, как рассвело, а потом опять стемнело. Ноги в носках заledenели, содержимое мочевого пузыря не раз и не два обожгло ляжки.

А потом хаос внезапно закончился, ураган унесся прочь. Когда бог знает через сколько часов после резни умирающих от жажды и голода Клод снова открывает глаза, солдат в доме нет. Терял ли он сознание? Был ли он в аду? Он не помнит.

Он чувствует боль в паху, в лопатках. Темная прядь прилипла ко лбу, он пытается ее смахнуть, а она хрустит под пальцами — на волосах запеклась кровь. Он не понимает, откуда взялись эти синяки и раны, в мозгу все перепуталось.

Он выбирается из своей норы. В доме все замерло.

Клод не понимает, что означает эта тишина. Он не плачет, он не может заплакать. В шахтерском поселке отец порол его ремнем, когда он хныкал. Тело горело от ударов.

И все же, выйдя на улицу, где солнце обжигает лицо, он разражается рыданиями. И вдруг он видит Наджат. Наджат стоит там, среди мертвых тел. Она колыхается под жаркими лучами, она тянется к Клоду, зовет его. Он бежит к ней — но руки сжимают лишь рваную тряпку, развевающуюся под порывами пахнущего гнилью утреннего ветра.

Он бродит по улицам среди завалов, присоединяется к группе журналистов, приехавших из Иерусалима, военных корреспондентов, горстке выживших. На порогах домов, на ступенях мечетей, в школьных дворах лежат горы трупов. Над ними кружат рои мух, стаи птиц. Уцелевшие женщины ищут мужей и сыновей. Он видит разрушенные семьи, оборванные жизни, сметенные чьей-то злобой.

Все в нем рухнуло. Все убеждения, все ориентиры. Каждый труп напоминает ему о Наджат. Можно закрыть глаза, заткнуть уши, но это не помогает. Малышка так и стоит неподалеку, стоит только руку протянуть. И она так громко кричит! Он всегда будет чувствовать на себе ее взгляд, это ощущение — словно инородное тело в голове, от которого невозможно избавиться.

Он видел, как они умирали, и не вышел из своей норы.

Когда самолет Красного Креста взлетает из аэропорта Дамаска, Клод прижимается лбом к иллюминатору. Он знает, что зло существует.

Он видел его в лицо. Без грима, без прикрас.

Спустя какое-то время Клод Дехане выходит из самолета в аэропорту Орли. Он не улыбается, но и не плачет. Он не рассказывает о драме, пережитой в Ливане. Никому. Воспоминания постепенно рассеиваются, как пыль, поднятая колесами армейского броневика. Но какие-то сцены по-прежнему сжигают его изнутри.

По словам властей, во время бойни в Сабре и Шатиле на территории лагерей не находилось ни одного европей-

ца, ни одного американца, вообще никого из иностранцев. По данным различных источников, число убитых гражданских лиц составляет от пятисот до пяти тысяч человек. Основные орудия убийства? Ножи и кинжалы.

Но зато Клод и смеется, и плачет, когда 29 сентября 1982 года, в Михайлов день, его жена разрешается от бремени. Выложенные кафелем стены, в которых он провел несколько минут, кажутся ему самым прекрасным в мире зрелищем.

В детской палате его внимание привлекает только одна девочка. Он прижимает ее к сердцу, совершенно не обращая внимания на плач другого младенца, который точно так же нуждается в ласке.

Клод сделал выбор. Он держит на руках вернувшуюся Наджат. Он уже знает, что будет любить этого ребенка так, как не любил никого на свете.

У него хранится прядь темных волос маленькой палестинки. Он уже и не помнит, как она у него оказалась, и предпочел бы от нее избавиться, но почему-то никак не получается.

Он так и не достал со дна сумки свой репортаж о конфликте в Ливане и ушел с работы.

В голове у него по-прежнему звучат автомобильные гудки, шум толпы, скрежет колес по рельсам, сливаясь в грохот танков, идущих прямо в ад. Он видит себя летящим над горами трупов, рукой он дотрагивается до замученных людей, возвращая их к жизни. Как бы ему хотелось...

Ему больше не хочется задыхаться в Париже, не хочется видеть вокруг себя тени, не хочется жить в условиях, над которыми он не властен. Все вокруг стало опасным.

Он ищет покоя, того покоя, который окружал его в детстве, ему нужен свежий ветер, под порывами которого стелются травы и гудят ветки деревьев, он хочет вспомнить, как свободно дышал отец до того, как его сразил силикоз.

Продав квартиру в Девятом округе, он покупает маленькую фламандскую ферму на севере страны, откуда он родом, и перебирается туда. Благодаря прошлым работам его банковские счета в полном порядке.

Свои репортажи и прядь волос он прячет в сарае на ферме. Выбросить их выше его сил.

Его жена Бландина без труда находит место медсестры в больнице в Аррасе. Вообще-то, ей не очень нравится на севере, где нечем заняться, кроме работы. К тому же ферма находится в двухстах метрах от немецкого кладбища, где похоронено больше тридцати шести тысяч солдат, убитых во время Первой мировой. Окно одной из спален выходит на роскошный вяз, посаженный в 1918 году, а за ним тянутся бесконечные ряды темных крестов. Мрачное зрелище...

Вот так Клод изменил свою жизнь, с той же легкостью, с какой журналист меняет тему своих статей. Просто перевернул страницу.

На этой спокойной и безмятежной земле кошмары постепенно рассеиваются. Клод, прежде никогда не считавший себя верующим, начинает читать Библию, молиться. Ему хорошо в кругу семьи, он чувствует себя счастливым.

И все же он знает, что после Ливана что-то в нем сломалось, его преследуют какие-то травмы. Исчезло сексуальное влечение, он было обратился к врачу, но потом резко прервал лечение. Бландина принимает это с трудом, но все же принимает. Она любит своего мужа.

Внешне все выглядит очень просто.

На самом деле все очень сложно.

ПРОЛОГ 2

Прошли годы.

Сад. Уютный семейный домик. За высокими деревьями, окаймляющими квадратную лужайку, простирается кукурузное поле.

Кто-то наблюдает в бинокль за ребенком, играющим среди высокой травы в мяч. Красный мяч.

Мальчуган видит, что приехал отец, и бежит к нему:

— Папа, поиграем в футбол?

Александр запирает машину и нежно целует сына.

— Завтра. Сегодня папа много работал.

— Ты всегда говоришь «завтра»!

— На этот раз я тебе обещаю. Завтра, ладно?

Он гладит ребенка по голове и входит в дом, не закрыв за собой застекленную дверь.

Мальчик продолжает кидать свой красный мяч о стенку. Наблюдатель не сходит с места. Он ждет.

Позже в тот же вечер. Со вкусом обставленная комната на втором этаже. Окно в торцевой стене выходит на кукурузное поле.

На первом этаже в темноте притаился человек с биноклем. В одной руке он держит дубинку-электрошокер, в другой — шприц со снотворным. За его спиной — закрытая застекленная дверь.

Александр в спальне натягивает пижаму. На его правой щиколотке видна татуировка в виде головы волка.

Он забирается под одеяло, его жена Карина выходит из ванной, ложится и прижимается к нему. Она начинает ласкать его, он целует ее в губы и нежно отстраняет ее руку.

— Завтра, милая, сегодня мне надо отдохнуть. Поды-
хаю от усталости.

— Завтра, вечно завтра! А если бы никакого завтра не
было?

— Мы бы этого не узнали.

— Чего — этого?

— Если бы завтра не было, мы бы этого не узнали.

Лампа гаснет.

На следующее утро.

Какой-то толчок, словно земля содрогнулась.

Карина с трудом открывает глаза. В горле пересохло, у нее такое ощущение, словно она проглотила мешок це-
мента. Голова кружится. Она вспоминает. Страшная
боль в спине, невозможность пошевелиться. Потом — чер-
ная дыра.

Она начинает различать какие-то звуки.

— Ой! Мама! А как же мой футбол?

Карина встает, она чувствует, что нервы на пределе.
Какой футбол?

Ее сын Тео смотрит на нее с упреком:

— Папа обещал пойти со мной. Его машина на улице.
А где он сам, ты не знаешь?

Понедельник, 8 октября 2007 года. Через двадцать пять лет после резни в Сабре и Шатиле.

*Лаборатория экспериментальной психологии,
Национальный центр научных исследований,
объединенная исследовательская группа 8768, Булонь-Бийянкур*

— Тест закончен.

Алиса Дехане собирается выйти вместе с остальными, но психиатр преграждает ей путь:

— Нет, не туда. Они закончили, а вы нет. Остался последний тест, самый важный для нас.

Алиса чувствует себя неуверенно. Эта лаборатория, эти странные аппараты, люди в халатах...

— Хорошо, доктор. Вы останетесь со мной?

— Конечно.

Теперь ее окружают какие-то странные электронные приборы. Доктор Люк Грэхем предлагает ей сесть перед компьютером с огромным дисплеем. Алиса подчиняется, ее голубые глаза задерживаются на проводах, идущих от многочисленных датчиков. Она сжимает кожаные подлокотники. Блузка промокла от пота. Психиатр наносит гель на белую ленту с тремя датчиками — синим, черным и желтым. Он подносит ленту к ее левой щеке:

— Это устройство позволит мне измерить частоту напряжения ваших мышц. Его надо наклеить на грудь, и я

смогу оценить работу сердца. Просуньте его между пуговицами блузки. Вот так... Спокойно...

Алиса подсовывает клейкую ленту под блузку и прижимает ее между грудями.

— Все.

— Отлично. Еще несколько штук. Вот эти — самые забавные... Дайте-ка мне левую руку.

Люк Грэхем надевает ей на руку перчатку, своего рода усовершенствованную митенку, и объясняет, что электроника позволит ему измерить проводимость кожи, температуру тела и объем артериальной крови. Пояс, который она надевает на живот, даст возможность контролировать ритм дыхания.

Алиса вытягивает руку и шевелит пальцами, она взволнована, но ей интересно.

— А для чего все эти... приборы, доктор? Ведь это происходит у меня в голове, а не снаружи.

— Подсознательное создает ваши эмоции, а они проявляются в совокупности биологических сигналов. Пересохшие или влажные губы, изменение ритма сердца, напряжение и расслабление мышц... Вот это я и собираюсь записать. Надеюсь, непосредственно перед тем, как наступит ваша черная дыра. Понятно?

— Понятно. А в этот раз вы мне покажете записи?

— Подождите, Алиса, подождите. Не будем торопить события, мы уже так близки к решению.

Он сжимает ее запястья:

— Вы ведь тоже в это верите, и поэтому все сработает. У нас все получится.

Она улыбается:

— Я верю вам, доктор.

Он объясняет ей, как будет проходить эксперимент. На экране будут чередоваться изображения — нейтрального содержания, приятные и неприятные. Алисе предстоит реа-

гировать, нажимая кнопки, соответствующие ее ощущениям. Кнопки «+», «-» или «?». В любом случае главное — отвечать не задумываясь.

Люк осторожно прислоняет голову пациентки к спинке кресла, потом надевает на нее подбородник. Мышцы на шее молодой женщины напрягаются, пальцы стискивают подлокотники. Люк Грэхем дает четкие инструкции:

— Во время эксперимента важно не двигаться. Картинки, только картинки. Больше ни о чем не думайте. Все будет хорошо.

Он в последний раз регулирует приборы.

— Некоторые изображения будут душераздирающими, они могут вызвать тошноту или недомогание. Дело в том, что организм компенсирует резкие изменения физиологического состояния снижением давления. Это называется «барорецепторный рефлекс». В таком случае резко напрягите все мышцы. Через час мы уедем из Парижа, и вы вернетесь домой. Я выйду из комнаты, но буду позади вас, хорошо?

Алиса кивает и поправляет маленькие очки в коричневой оправе.

Из микрофона слышен голос. Это доктор. Алиса пытается повернуть голову, чтобы увидеть, где он, но для этого ей пришлось бы вырвать все провода.

— Начнем с нескольких пробных картинок, чтобы убедиться, что вы все поняли. Не двигайтесь.

Психиатр, не оставляя своего наблюдательного поста, поворачивается к сидящему слева коллеге:

— Ты бы оставил меня с ней.

— Она из твоей клиники?

— Нет. Из частной практики.

Благодаря мини-камере, скрытой в корпусе компьютера, один из директоров лаборатории экспериментальной

психологии, Марк Броссар, видит лицо Алисы. На других экранах мелькают ряды цифр и кривые: это биометрические параметры пациентки.

— А она миленькая. Хороший выбор.

Люк Грэхем улыбается:

— Прекрати...

Он нажимает кнопку, система выдает серию изображений. На дисплее в случайной последовательности возникают символы, совпадающие с кнопками «+», «-», «?». Алиса все поняла, она правильно реагирует и отвечает. Люк Грэхем поворачивается к Марку Броссару. В его серо-голубых глазах читается полная уверенность.

— Ну все, теперь оставь нас. Эту работу мы с ней должны сделать с глазу на глаз, она мне доверяет.

Марк Броссар не противится, узнать что-то еще ему все равно не удастся. Он выходит через дверь, расположенную за контрольным пультом, и закрывает ее за собой. Психиатр встает и запирает дверь. Зажигается табло: «Идет воспроизведение».

Люк Грэхем вводит в компьютер тысячи изображений из базы данных МАСИ¹ и с помощью специальной программы убирает семьдесят процентов картинок нейтрального и позитивного содержания, оставляя только самые страшные.

Он собирается ввести в Алисин мозг максимум негативной информации и делает это вполне сознательно. Он хочет запугать ее в интересах лечения, а не просто так.

Не отрываясь он смотрит на глаза Алисы на мониторе, на эти глаза невероятного фарфорово-голубого цвета, который он так хорошо изучил. Дойти до конца, но ради нее...

Он вводит программу в память компьютера.

¹ МАСИ — Международная аффективная система изображений.

Белый дисплей. Алиса не теряет терпения, это упражнение монотонное, но не сложное. Надо просто выбрать нужную кнопку, доверившись своим ощущениям.

На смену «+», «-», «?» приходят настоящие изображения. Тест начался.

Вначале появляется пустой стул в центре синей комнаты. Алиса нажимает «?». Следующая картинка. Ребенок ведет на поводке спаниеля. Алиса улыбается. Ей кажется, что она действительно видит рядом с собой эту собаку, что та прижимается своим черным носом к ее лицу.

Звучит сигнал. Алиса спохватывается. Конечно, теперь она нажимает «+». В детстве у нее был спаниель Дон Диего...

Операция на открытом сердце, тройное шунтирование. Алиса вздрагивает, но подбородник удерживает ее на месте. Через две секунды она нажимает «-». Очень неприятно. Психиатр отмечает внезапное ускорение сердечных сокращений.

Готовый к нападению медведь с выставленными вперед когтями. Зубной врач за работой. Искалеченный на войне человек. Алиса дышит с трудом, на шее быстро бьется пульс, на коже выступили капельки пота, ощущения путаются.

Следующая обойма. Раны, катастрофы, болезни. Удары ножом. Алиса дрожит, сердце толчками выбрасывает горячую густую кровь. Она продолжает бороться. Тест, пройти тест, ради доктора, ради лечения. Все плохо, плохо, плохо, плохо, плохо... Она напрягает все мышцы, еще немного — и у нее начнутся судороги. Вокруг нее больше ничего нет. Она где-то плывет. Фотографии мелькают все чаще. Плохо, плохо.

И вот новая картинка. Что-то чудовищное.

Алиса обоими кулаками давит на кнопку «-».

Она срывает подбородник, все датчики и бросается к двери.

Со всех сторон раздается писк аппаратов. Прибегает Люк Грэхем:

— Алиса, как вы?

Молодая женщина с бешеной силой отталкивает его и бежит к выходу.

Персонал, не веря своим глазам, смотрит ей вслед. Никто не реагирует.

Когда психиатр выбегает на парковку, он видит машину Алисы, удаляющуюся со скоростью двести пятьдесят километров в час.

Сидя на крыльце своей фермы, Клод Дехане под звуки маленького радиоприемника наслаждается последними лучами солнца. Он целый день трудился на огороде и очень устал. Теперь он с гримасой растирает поясницу. Стоит хорошенько выспаться ночью — и все пройдет, а завтра все начнется сначала. Боже, он стареет. Об этом свидетельствуют потрескавшаяся кожа рук и позвоночник, все хуже переносящий нагрузку. Земля севера не прощает слабости.

Вдруг он поднимает голову и смотрит на дорогу, тянущуюся от фермы до самого горизонта. Шум мотора, потом темноту разрывает свет фар. Гости, в такое время? Наверное, Доротея, Мирабель... Или даже Алиса.

Выражение усталости на его лице сменяется удовлетворением. Он аккуратно откладывает в сторону нож, которым выкорчевывал сорняки. Рукавом вытирает рот, включает радио, встает, берет в кухне бутылку воды и делает несколько глотков.

Потом снова садится на крыльце, ступенькой выше, поставив бутылку рядом с собой. Машина мчится по дороге с непривычной скоростью. Клод прищуривается. Темно, и он никак не может разглядеть, кто едет. Скрип шин, гравий из-под колес долетает до его ног.

Из автомобиля выходит красивая молодая женщина. Клод слегка наклоняет голову. Алиса? Доротея? Он действительно не может разглядеть, кто это.

Все происходит с молниеносной быстротой. Никто не произнес ни слова.

Женщина хватается нож со ступенек и наносит Клоду Дехане два удара в левую сторону груди, а потом бросает оружие и исчезает.

Люк Грэхем смотрит на потрескивающие в камине дрова. Сидя по-турецки на восточном ковре, психиатр открывает коробку с материалами, собранными за год работы. Он достает оттуда магнитофонные кассеты, фотографии, ежедневники и собственный отчет, занимающий около двадцати страниц. Во всех документах речь идет об одной и той же пациентке: Алисе Дехане, двадцати пяти лет.

Где скрывается Алиса? Почему после бегства из Центра исследований она не отвечает на его звонки?

Может быть, надо было принять больше мер предосторожности. Отнестись к этому случаю как-то иначе.

Он перебирает свои записи. Все эти слова, строчки, наброски, полученные от нее великолепные рисунки и другие, куда более мрачные... Он разглядывает под лампой фотографию из базы данных МАСИ, с которой все началось. Море крови. Похоже на место преступления.

Люк кладет фотографию к остальным. Портреты, на оборотной стороне которых написаны имена и даты съемки. Он всегда фотографирует пациентов для своего архива.

С улицы доносится резкий хлопок калитки. Люк, погруженный в свои размышления, подсакивает. Это наверняка ветер.

Он кладет фотографии на низкий столик и берет DVD-диск, на котором записан тест с использованием пугаю-

щих стимулов, проведенный в лаборатории Национального центра научных исследований. Глядя на поверхность диска, он вспоминает глаза, в которых серый цвет преобладает над голубым, пухлые щеки, тонкие, безупречно розовые губы. Ему уже сорок пять, но он хорошо выглядит, не смотря на то что курит и слегка задыхается.

Он в который раз вставляет диск в проигрыватель и в который раз заходит в тупик. Откуда берется эта мощь, эта сложность человеческого разума? Как действуют все эти защитные механизмы, в каких структурах мозга спрятаны ключи, которые позволили бы вскрыть их?

Спокойствие и сила пламени завораживают его. Ему хорошо возле огня. Субботними вечерами они с Анной и детьми всегда сидели у камина.

Снова стучит калитка в аллее. Люк застегивает последнюю пуговицу пиджака и выходит.

На улице свирепый ветер сдувает песок с дюн и гонит его на пустую дорогу. Люк опускает щеколду на калитке, у него возникает странное ощущение, что он уже делал это, когда вернулся, совсем недавно. Он перегибается через забор и осматривает улицу. Никого...

Стоя в одиночестве посередине сада, Люк поворачивается в сторону пляжа. На песке выстроились разноцветные кабинки. Северное море мирно спит в своей серебряной постели. Слева — Дюнкерк, справа — бельгийские курорты. Ему так нравилась эта картина, когда Артур и Ева тянули его за руки и звали играть на берегу. Где-то там, среди дюн, еще живут отголоски их смеха.

Он возвращается в дом, опускает жалюзи и теперь идет, ориентируясь только на дрожащий огонь. Алиса... Бездонная голубизна ее глаз, ее белая кожа, ее взгляд, беспокойный, словно кипящая вода. Алиса... Единственная, кто занимает его мысли долгими ночами.

Через десять секунд он поднимается на второй этаж и заходит в кабинет. Он поворачивает ручку двери, но не выпускает ее. Потом с грустным вздохом распахивает дверь так, что она ударяется о стену. Скверная привычка.

Зажав зубами сигарету, он включает компьютер, щелкает по папке с данными, относящимися к Алисе:

*Доктор Люк Грэхем. Обобщение данных. В процессе работы.
Пациентка Алиса Дехане.*

Таблицы, графики, анализы: эти двадцать страниц содержат почти готовое решение. Еще несколько дней, несколько недель, и Алиса могла бы выздороветь. Люк начинает формулировать выводы на основании опыта Национального центра научных исследований.

Снизу доносится треск. Люк бросается на первый этаж.
Сердце колотится все быстрее.

Застекленная входная дверь открыта. Какая-то тень бежит в сторону джон.

Он поворачивается к низкому столику, потом к DVD-плееру. Аппарат открыт.

Кто-то украл фотографии и диск с записью теста.

И он считает, что ему известно, кто это сделал.

Доротея Дехане...